УДК 316.613.5
ББК 88.53

DOI: 10.31862/2218-8711-2020-1-212-222

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНТЕРНАЛЬНОСТИ ЛИЧНОСТИ ВЗРОСЛЫХ ТУВИНЦЕВ И РУССКИХ (в контексте семейной эмоциональной коммуникации)

COMPARATIVE STUDY OF THE INTERNALITY OF THE PERSONALITY OF ADULT TUVANS
AND RUSSIANS (IN THE CONTEXT OF FAMILY EMOTIONAL COMMUNICATION)

Алексеев Татьяна Валерьевна

Доцент кафедры психологии образования
Московского педагогического государственного
университета, доцент, кандидат психологических
наук

E-mail: atv-psy@mail.ru

Alekseenko Tatiana V.

Assistant Professor at the Department
of Psychology of Education, Moscow
Pedagogical State University (MPGU), PhD in
Psychology

E-mail: atv-psy@mail.ru

Даваа Чимис Омаковна

Бакалавр кафедры психологии образования
Московского педагогического государственного
университета

E-mail: chimis.davaa@yandex.ru

Davaa Chimis O.

BA in Psychology from the Department
of Psychology of Education, Moscow
Pedagogical State University (MPGU)

E-mail: chimis.davaa@yandex.ru

Аннотация. В статье обсуждаются
результаты эмпирического исследования
интернальности личности взрослых в контексте
функциональности-дисфункциональности
семейных коммуникаций родительских
семей, выявляются особенности воспитания
ответственности в тувинских семьях по
сравнению с русскими семьями.

Abstract. The article discusses the results
of the empirical study of internality of the
adults' personality in the context of function-
dysfunction of family communication of
parents' families; features of responsibility
development in Tuvan families in comparison
with Russian families are identified and
discussed.

© Алексеев Т. В., Даваа Ч. О., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: ответственность, воспитание ответственности, интернальность, семейные эмоциональные коммуникации, дисфункции семейной системы, родительская критика, внешние границы семьи, перфекционизм.

Keywords: responsibility, responsibility development, internality, family emotional communication, dysfunction of a family system, parental criticism, external borders of the family, perfectionism.

С тех пор как Дж. Роттер ввел в психологию понятие субъективного локуса контроля [1], интерес к изучению феномена интернальности только возрастает. Это понятие давно уже вышло за рамки теорий социального научения и каузальной атрибуции, и рассматривается в том числе в рамках подходов, интегрирующих понимание интернальности личности с основными положениями Л. С. Выготского о субъектности личности и с взглядом на человека как на открытую систему (А. А. Бодалев, Д. В. Карась, Д. А. Леонтьев) [2].

Несмотря на разночтения или, скорее, разные акценты и фокусы исследования феномена интернальности в рамках различных психологических концепций, «...суть феномена заключается в указании на психологическое содержание процессов и механизмов, при реализации которых причина и источник ключевых регулирующих влияний на происходящее связаны с собственной активностью человека, как субъекта» [3, с. 31]. То есть, как определяет Д. В. Карась, «...интернальность характеризует такое качество жизни человека, такое состояние личности, когда причина и источник активности при реализации некоторого психологического акта (выбора, действия, поведения), ключевые регулирующие влияния принадлежат собственной активности человека, как суверенного субъекта» [3, с. 5].

Проблемой нашего исследования является вопрос о том, в каких условиях семейного воспитания формируется интернальность личности. Семью мы рассматриваем в качестве открытой социальной системы, динамика развития которой подчиняется законам гомеостаза и развития, системы, имеющей собственную структуру, складывающуюся из соответствующих подсистем, то есть рассматриваем ее в рамках системного подхода [4].

Настоящая статья представляет результаты сравнительного эмпирического исследования интернальности личности взрослых тувинцев и русских в контексте структурных (состав семьи, место в sibлинговой подсистеме) и коммуникативных (особенности семейных эмоциональных коммуникаций) параметров их родительских семей.

В исследовании участвовали 33 тувинца (18 женщин и 15 мужчин от 25 до 46 лет, средний возраст 30 лет), проживающих в Республике Тува РФ, и 45 русских (30 женщин, 15 мужчин от 22 до 47 лет, средний возраст 29 лет), проживающих в Москве и Московской области. Сбор данных осуществлялся в октябре 2018 – феврале 2019 г.

Интернальность личности испытуемых измерялась при помощи опросника «Уровень субъективного контроля» (УСК) Дж. Роттера в адаптации Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной, Л. М. Эткинда [5]. Структурные параметры родительской семьи испытуемых выявлялись при помощи анкеты. Коммуникативные параметры родительской семейной системы исследовались с помощью опросника «Семейные эмоциональные коммуникации» (СЭЖ) А. Б. Холмогоровой, С. В. Воликовой [6].

Характеристики распределений показателей интернальности тувинцев и русских представлены в табл. 1.

По всем шкалам, кроме шкал интернальности в области здоровья и болезни, а также в области достижений, русские проявили чуть более выраженную интернальность, чем тувинцы, однако расчет значимости различий процентного соотношения интерналов и экстерналов среди русских и тувинцев показал, что различия эти статистически не значимы. Иное положение обнаруживается при анализе гендерных различий интернальности. И тувинцы, и русские проявили значимые гендерные различия выраженности интернальности в области межличностных отношений: и тувинки, и русские женщины чаще берут на себя ответственность за построение межличностных отношений, разрешение возникающих конфликтов, они больше верят в возможность собственного влияния на отношения с другими людьми, нежели мужчины. При этом выявленная закономерность более свойственна русским, нежели тувинцам (табл. 2).

Также были обнаружены гендерные различия распределения интерналов и экстерналов в области семейных отношений. Однако тут тувинцы и русские проявили противоположные тенденции (табл. 3).

Если русские мужчины практически в равной степени с русскими женщинами берут на себя ответственность за построение отношений в семье, то мужчины-тувинцы как бы «перекладывают» ответственность в этой области на женщин. Нам видится, что

Таблица 1

Характеристики распределения показателей интернальности тувинцев и русских

Интерналь- ность	Характеристики распределения (по стенам опросника УСК)						хи-квадрат эмп. (по баллам опросника УСК) / v – число степеней свободы	
	X _{средн}		Дисперсия D		Кол-во интервалов (в %)		тувинцы	русские
	тувинцы	русские	тувинцы	русские	тувинцы	русские		
Общая	4,8	5,2	2,89	1,78	27	28	1,659**/5	24,087/5
В области достижений	5,9	5,9	3,9	3,06	51,5	49	4,475**/5	2,936**/5
В области неудач	4,4	5,1	4,84	3,55	24	28	6,439**/5	15,747/6
В области семейных отношений	5,5	5,7	2,86	3,37	36	49	1,064**/4	3,505**/4
В области про- изводственных отношений	4,1	4,3	2,33	2,01	9	9	9,112**/4	5,11**/4
В области меж- личностных отношений	5,6	5,7	3,15	3,57	58	47	1,996**/6	4,691**/6
В отношении здоровья и болезни	5,5	5,4	3,46	2,52	39	33	6,352**/6	10,611**/6

Примечание: ** – распределение показателей интернальности статистически значимо не отличается от нормального.

Таблица 2

**Процентное соотношение интерналов и экстерналов
в области межличностных отношений**

	Женщины		Мужчины		Значимость гендерных различий (хи-квадрат)	
	тувинки	русские	тувинцы	русские	тувинцы	русские
Интерналы	67	57	47	27	7,364**	17,262**
Экстерналы	33	43	53	73		
Значимость этнических различий (хи-квадрат)	1,719 (нет значимых различий)		7,743**			

Примечание: ** – различия статистически значимы ($P \leq 0,01$).

Таблица 3

**Процентное соотношение интерналов и экстерналов
в области семейных отношений**

	Женщины		Мужчины		Значимость гендерных различий (хи-квадрат)	
	тувинки	русские	тувинцы	русские	тувинцы	русские
Интерналы	56	54	27	47	5,59*	0,72
Экстерналы	44	46	73	53		
Значимость этнических различий (хи-квадрат)	0,02		13,021**			

Примечания: ** – различия статистически значимы ($P \leq 0,01$);

* – различия статистически значимы ($P \leq 0,05$).

объяснение этому явлению следует искать в традициях уклада жизни этого народа. Мужчины-тувинцы традиционно пасли скот, кочуя и перегоняя его с пастбища на пастбище, на длительное время оставляя женщин, ведущих более оседлый образ жизни, самостоятельно вести семейное хозяйство и растить детей.

Такой образ жизни, традиционно сложившийся и изменившийся у тувинцев в XX в. (что стало отличать их от других кочевых народов, скажем, от их соседей – монголов, у которых кочуют и пасут скот семьи с маленькими детьми, а дети-школьники передаются на воспитание бабушкам, ведущим оседлый образ жизни), уже практически остался в прошлом, однако ответственность за семью у тувинцев, видимо, по-прежнему делегируется почти исключительно женщине.

Итак, в целом испытуемые – тувинцы и русские – проявили схожую интернальность личности: менее трети испытуемых обеих выборок проявили выраженную общую интернальность. Выявлены гендерные различия: женщины (и тувинки, и русские) больше, чем мужчины, берут на себя ответственность в области межличностных отношений. Обнаружены гендерные различия интернальности тувинцев в области семейных отношений, ответственность за которые лежит по большей части на женщинах.

Прежде чем рассматривать результаты исследования коммуникаций родительских семей испытуемых, охарактеризуем их структурные параметры. 65% испытуемых русских

выросли в полных семьях (12% – в полных расширенных, 53% – в полных нуклеарных), 35% – в неполных семьях (10% – в расширенных, 25% – в нуклеарных). Более половины (53%) русских семей, в которых росли испытуемые, были малодетными, 26% – многодетными, 21% русских испытуемых росли как единственные дети. Иные характеристики имеют тувинские семьи, в которых выросли испытуемые.

В полных семьях выросли 70% (6% – в расширенных, 64% – в нуклеарных), в неполных семьях выросли 30% испытуемых тувинцев (7% – в расширенных, 23% – в нуклеарных). Более половины (52%) семей тувинцев были многодетными, при этом если в большинстве русских многодетных семей по трое детей, то в тувинских многодетных семьях зачастую четверо – пятеро детей. Треть тувинских семей (33%) оказались малодетными, 15% испытуемых тувинцев выросли как единственные дети.

Можно заметить, что как для тувинских, так и для русских семей становится не характерным жить расширенной семьей – с бабушками и дедушками (это подтверждают и данные исследования К. И. Султанбаевой [7]). Основное отличие структуры семьи касается количества детей: тувинские семьи, в отличие от русских, в большинстве своем многодетные.

Результаты опросника «Семейные эмоциональные коммуникации» (СЭК) показали, что в родительских семьях русских высокий уровень дисфункциональности коммуникаций встречался почти в три раза чаще, чем в семьях тувинцев (17,5% и 6% соответственно), по некоторым шкалам наблюдаются значимые различия показателей (табл. 4, 5).

Сравнивая тувинцев и русских, мы можем отметить, что наибольшие различия семейных эмоциональных коммуникаций родительских семей, в которых выросли испытуемые, обнаруживаются по трем шкалам: родительская критика, внешнее благополучие (враждебность и фасад) и семейный перфекционизм. При этом родительская критика значимо чаще проявляется в русских семьях, 47,5% которых оценены взрослыми испытуемыми как семьи с высоким уровнем критики (против 24% тувинских семей). А тувинские семьи отличаются жесткими внешними границами (высокие показатели по шкале внешнее благополучие), а также высокий перфекционизм (см. табл. 4). Интересно, что ни один испытуемый тувинец не отметил низкий уровень семейного перфекционизма своей родительской семьи.

Таким образом, русские семьи обнаруживали общую дисфункциональность семейных эмоциональных коммуникаций несколько чаще, чем тувинские семьи, что складывается в основном из высокого уровня родительской критики, требования идеальности и безупречности от ребенка (семейного перфекционизма), а также индуцирования тревоги в виде прогнозирования неудач, жизненных трудностей и т. п. Характерными чертами коммуникаций в тувинских семьях оказались, прежде всего, высокий уровень перфекционизма и стремление выглядеть в глазах социума благополучной семьей.

Сравнивая средние показатели по шкалам СЭК женщин и мужчин, можно заметить, что мужчины отмечают большую дисфункциональность коммуникаций своих родительских семей (исключение составляют только параметры индуцирования тревоги и фиксации на негативных переживаниях, и только у тувинцев). Объяснение этому факту можно искать в двух направлениях: во-первых, можно предположить, что мальчики острее реагируют на дискомфорт в семье, дольше помнят и переживают семейное неблагополучие, чем девочки; другой причиной такого результата могут быть традиции и различия в

Таблица 4

**Процентное соотношение уровней семейной дисфункциональности
родительских семей испытуемых**

Шкалы СЭК	Тувинцы			Русские			хи-квадрат (v = 2)
	низк.	средн.	высок.	низк.	средн.	высок.	
Общая дисфункциональность	15	79	6	10	72,5	17,5	6,907*
Родительская критика	21	55	24	17,5	35	47,5	12,487**
Индукция тревоги	9	70	21	17,5	52,5	30	6,815*
Элиминирование эмоций	15	67	18	15	70	15	0,338
Фиксация негативных переживаний	18	70	12	22,5	60	17,5	2,295
Внешнее благополучие	6	61	33	22,5	57,5	20	12,845**
Сверхвключенность	15	73	12	17,5	67,5	15	0,741
Семейный перфекционизм	0	67	33	15	50	35	17,529**

Примечания: * – различия статистически значимы ($P \leq 0,05$);

** – различия статистически значимы ($P \leq 0,01$).

Таблица 5

**Характеристики распределения показателей семейных эмоциональных
коммуникаций родительских семей тувинцев и русских (в баллах опросника СЭК)**

Шкалы СЭК	Тувинцы					Русские				
	Мода	Md	$\chi_{\text{средн}}$			Мода	Md	$\chi_{\text{средн}}$		
			все	жен	муж			все	жен	муж
Общая дисфункциональность	37	41	45,6	42,6	49,3	40	46	47,1	44,9	52,3
Родительская критика	8,5	8	8,2	6,9	9,7	7	8,5	10,1	9,9	10,5
Индукция тревоги	8	8	8,8	8,9	7,4	10	9,5	8,9	8,0	11,1
Элиминирование эмоций	7; 10	8	8,5	6,9	10,3	10	9,5	8,8	8,6	9,3
Фиксация негативных переживаний	6	4,5	4,6	5,2	3,9	4	4	4,5	4,2	5,1
Внешнее благополучие	4,5	5,5	5,6	5,0	6,4	6	5	5,2	5,1	5,3
Сверхвключенность	3	3,5	4,0	3,6	4,6	4	4	4,0	3,6	4,8
Семейный перфекционизм	6	6	5,9	5,8	6,1	6; 8	6	5,7	5,5	6,3

воспитании мальчиков и девочек. В частности, возможно, именно девочкам мамы-тувинки склонны чаще указывать на промахи и вспоминать их «при всяком удобном случае», о чем свидетельствует значимость гендерных различий (хи-квадрат = 50,784, v = 2) распределения уровней по соответствующей шкале опросника. 83% испытуемых тувинцев показали средний, 17% – высокий уровень фиксации на негативных переживаниях. Среди мужчин-тувинцев высокий уровень по этому показателю лишь у 7%, средний – у 53%, а 40% отмечают низкий уровень фиксации на негативных переживаниях в своих родительских семьях.

Значимые гендерные различия (хи-квадрат = 27,542, v = 2) выявились и в распределениях уровней выраженности элиминирования эмоций: о высоком уровне этой коммуникативной характеристики своей родительской семьи свидетельствуют результаты 33% мужчин тувинцев

(против 7% женщин тувинок). Традиционно в тувинских семьях воспитание девочек считалось делом и ответственностью матерей, а воспитание сыновей – отцов. Также существовал запрет «в глаза хвалить или ласкать детей. ...Сдержанность чувств, особенно отец, проявлял по отношению к сыновьям. Для сына было достаточно того, что отец погладил его по голове» [8]. Такие устои семейного воспитания тувинцев вполне могут объяснить полученные нами результаты: родители в тувинских семьях и сами, видимо, не слишком сильно выражали эмоции, и детей рано приучали сдерживать отрицательные эмоции. Скажем, традиционно раскричавшегося (особенно на закате) младенца следовало как можно быстрее успокоить, а уже от трех-четырёхлетних детей жестко требовалось прекратить крик и справляться со своими переживаниями молча.

Таблица 6

Процентное соотношение уровней сверхвключенности родителей испытуемых

	Женщины		Мужчины		Значимость гендерных различий (хи-квадрат, v=1)	
	тувинки	русские	тувинцы	русские	Тувинцы	русские
Высокий	6	11	20	25	13,851**	31,315**
Средний	83	64	60	75		
Низкий	11	25	20	0		
Значимость этнических различий (хи-квадрат, v = 1)	9,371**		22,222**			

Примечание: ** – различия статистически значимы ($P \leq 0,01$).

Интересно, что и в русских, и в тувинских семьях существуют гендерные различия по параметру сверхвключенности: родители больше склонны принимать излишнее участие в жизни сыновей, чем дочерей (табл. 6). Такая сверхвключенность родителей создает трудности сепарации подросткового ребенка и, согласно данным наших исследований [9; 10], препятствует формированию интернальности личности. В целом исследование интернальности личности взрослых как членов своих родительских семей (в русских семьях) показало, что наибольшие шансы вырасти интерналом есть у младшего ребенка «...из неполной семьи с двумя детьми, родитель которого при воспитании не склонен продуцировать тревогу, излишне критиковать и фиксироваться на неудачах ребенка; не склонен чрезмерно включаться в решение проблем и задач, стоящих перед ребенком, тем самым предоставляя ему свободу выбора, являющуюся условием развития ответственности; проявляет средний (не низкий и не высокий) уровень перфекционизма и стремится “не выносить сор из избы”, а решать все семейные проблемы самостоятельно, без помощи социума» [10, с. 140].

Посмотрим, будут ли наблюдаться такие же закономерности между уровнем интернальности личности тувинцев и структурными и коммуникативными параметрами их родительских семей.

При анализе интернальности русских из разных по составу семей была обнаружена следующая закономерность: чем меньше взрослых в семье, тем чаще вырастают в такой семье интерналы (рис. 1). Поскольку подавляющее большинство (64%) участвовавших в

исследовании родительских семей тувинцев было полными нуклеарными семьями, нам не удалось получить достаточное число данных по семьям другого типа. Однако результаты этого исследования не позволяют предполагать, что интернальность взрослых тувинцев может зависеть от состава семей, в которых они росли, либо эта тенденция противоположна обнаруженной у русских испытуемых: общую интернальность личности проявили 30% тувинцев, выросших в полных семьях, и 20% тувинцев, выросших в неполных семьях. Аналогичные данные русских испытуемых – 23% и 39% соответственно.

Что касается интернальности личности испытуемых в зависимости от занимаемого ими места в sibлинговой подсистеме (в детстве), мы можем сказать следующее. Если среди русских отчетливо выделяются те испытуемые, которые росли в своих родительских семьях в позиции младшего ребенка (50% из них проявили общую интернальность личности), то у тувинцев мы наблюдаем иную картину (рис. 2). Число тувинцев, проявивших общую интернальность личности, среди тех, кто рос как единственный, как старший или младший ребенок, практически одинаково. Выделяются только средние дети из многодетных семей, среди которых интернальность во взрослом возрасте проявили только 8%.

Можно предположить, что тувинцам свойственно возлагать ответственность на первенца (будь то старший или единственный ребенок), а также на младшего ребенка. Такую особенность позиции младшего ребенка можно было бы объяснить традицией оставлять его в семье для заботы о постаревших родителях. Такая традиция есть или существовала в истории некоторых народов. Однако ее нет у тувинцев, которые традиционно стремились оставлять в семье сыновей, «отдавая» выросших дочерей в другой род – род мужа.

У народа, который воспитывает подрастающее поколение в почтении к старшим (взрослым) и заботе о младших («Старших уважай, младших воспитывай», – гласит тувинская пословица), остается неясна выявленная нами интернальность росших младшими детьми, но вполне объяснимым выглядит иная закономерность (рис. 3). Над младшим ребенком в семье столько старших, которые его опекают и контролируют, обучают его правилам поведения, следят за тем, чтобы он неукоснительно эти правила соблюдал (не слушал разговоров взрослых; выходил, когда приходят гости к отцу и мн. др.), что он закономерно вырастает с ощущением, что в мире человеческих отношений от него мало что зависит.

Столь же интересно, на наш взгляд, распределение выраженных интерналов в области семейных отношений. Наибольшее их число – среди единственных в своей родительской семье детей (80% против 62,5% из старших, 37,5% из младших и 0% из средних детей). В тувинских семьях, где принято иметь много детей, где продолжение и почитание рода – один из самых значимых устоев, выросшие единственными дети как будто принимают всю ответственность за семью на себя как на единственных возможных продолжателей рода.

Если рассматривать интернальность личности в разных областях, то меньше всего тех, кто берет на себя ответственность за неудачи, поэтому особенно интересно рассмотреть локус контроля тувинцев и русских именно в этой области. Если среди русских выделяются в этом отношении испытуемые, росшие как младшие дети в своей родительской семье (интерналов среди них более половины – 60%, в отличие от занимавших другие места в sibлинговой подсистеме), то у тувинцев мы видим иную закономерность (рис. 4). Наибольший процент берущих ответственность за неудачи на себя – среди старших детей.

Это различие мы склонны объяснять именно описанными выше особенностями коммуникаций в русских и тувинских семьях. Старшие дети в русских семьях получают так много критики своих действий и так часто родители склонны напоминать им ситуации, в которых они потерпели неудачу, что брать возлагаемую взрослыми на них ответственность (как за себя, так и за младших сиблингов) им совсем не хочется. По-иному, видимо, этот механизм работает в тувинских семьях, где родительская критика (как и индуцирование тревоги) значительно ниже, а в сочетании с социально принятым и одобряемым неярым выражением эмоций при воспитываемом непререкаемом авторитете старших, похоже, воспринимается детьми как норма. И в этих условиях именно старшие дети, в обязанности которых входит следить за младшими и воспитывать их, не пытаются «отречься» от этой ответственности, а, напротив, видят в ней повышение своей значимости, своего статуса как «старшего».

Нами были обнаружены не только различия, но и сходные тенденции во взаимосвязях интернальности личности и семейных эмоциональных коммуникаций у тувинцев и русских. В обоих этносах с выраженной интернальностью связываются высокие показатели по шкале «Внешнее благополучие» (враждебность и фасад) и низкие – по шкале «Сверхвключенность» (табл. 7).

Таблица 7

Количество интерналов (в %) среди испытуемых в зависимости от степени выраженности дисфункциональности семейной коммуникации их родительских семей

Шкала СЭК	Тувинцы			Русские		
	дисфункциональность			дисфункциональность		
	низкая	средняя	высокая	низкая	средняя	высокая
Общая дисфункциональность	20	27	50	36	33	11
Родительская критика	29	28	25	40	33	21
Индуцирование тревоги	33	22	43	50	24	32
Элиминирование эмоций	40	23	33	44	19	50
Фиксация негативных переживаний	0	39	0	33	34	11
Внешнее благополучие	0	30	27	7	26	59
Сверхвключенность	40	25	25	29	36	0
Семейный перфекционизм	-	23	36	20	44	17

Высокие показатели по шкале «Внешнее благополучие» помимо того, что свидетельствуют о стремлении семьи выглядеть хорошей (успешной, благополучной) в глазах социума, являются, на наш взгляд, и характеристикой жесткости внешних границ семьи. Семья с жесткими внешними границами старается не обращаться за помощью к окружающим и все свои проблемы решать сама. Это как раз и является тем условием, в котором формируется привычка брать ответственность на себя: видя пример взрослых, ребенок в такой семье «вращивает» в себе внутренний локус контроля. Обратное влияние имеет такая характеристика родительского отношения, как сверхвключенность: чем больше родитель контролирует жизнь подрастающего ребенка, тем меньше у него возможности принимать

самостоятельные решения и совершать самостоятельные поступки и, соответственно, нести ответственность за результаты и следствия своих действий.

Таким образом, мы представили результаты исследования интернальности взрослых тувинцев и русских в контексте структурных и коммуникативных параметров их родительских семей, выявили сходства и различия особенностей взаимосвязей рассматриваемых параметров, совершили попытку их осмысления. Конечно, представленное эмпирическое исследование представляется только одним маленьким шагом на пути выявления семейных условий формирования интернальности личности в разных культурных и этнических традициях.

Список литературы

1. Rotter J. B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement. *Psychological Monographs*. 1966. Vol. 80. P. 1-28.
2. Богуславский М. В., Куликова С. В. Совершенствование историко-педагогического образования: проблемы и перспективы // Психолого-педагогический поиск. 2013. № 1 (25). С. 50-60.
3. Карась Д. В. Установочно-смысловые детерминанты интернальности как факторы осуществления личностного выбора: дис. ... канд. психол. наук. Кемерово, 2019. 195 с.
4. Варга А. Я., Будинайте Г. Л. Теоретические основы системной семейной терапии // Системная семейная терапия: классика и современность / сост. и науч. ред. А. В. Черников. М.: НФ «Класс», 2005. С. 11-60.
5. Метод исследования уровня субъективного контроля (УСК) // Лучшие психологические тесты для профотбора и профориентации: Описание и руководство к использованию / отв. ред. А. Ф. Кудряшов. Петрозаводск: Петроком, 1992. С. 86-93.
6. Холмогорова А. Б., Воликова С. В., Сорокова М. Г. Стандартизация опросника «Семейные эмоциональные коммуникации» // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24, № 4. С. 97-125. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp20162404005>.
7. Султанбаева К. И. Опыт исследования этнокультурных традиций в современной тувинской семье // Вестн. Тувинского гос. ун-та. Педагогические науки. 2016. № 4 (31). С. 25-30.
8. Донгак С. Ч. Традиционное воспитание детей у тувинцев в семье. URL: <http://tigpi.ru/index.php/glavnaya/263-123> (дата обращения: 07.08.2019).
9. Алексеенко Т. В. Исследование условий воспитания ответственности ребенка в российских семьях // Современные вопросы детского развития: сб. материалов I Междунар. науч. конф. 5 октября 2018. Улан-Батор, 2018. С. 405-415.
10. Алексеенко Т. В. Условия воспитания ответственности: исследование структурных и коммуникативных параметров родительской семейной системы // Проблемы современного образования. 2018. № 3. С. 133-141. URL: <http://pmedu.ru/images/2018-3/15.pdf> (дата обращения: 10.08.2019).

References

1. Rotter J. V. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement. *Psychological Monographs*. 1966, vol. 80. Pp. 1–28.
2. Boguslavskiy M. V., Kulikova S. V. Sovershenstvovanie istoriko-pedagogicheskogo obrazovaniya: problemy i perspektivy. *Psikhologo-pedagogicheskiy poisk*. 2013, No. 1 (25), pp. 50–60.
3. Karas D. V. Ustanovochno-smyslovye determinanty internalnosti kak faktory osushchestvleniya lichnostnogo vybora. PhD dissertation (Education). Kemerovo, 2019. 195 p.
4. Varga A. Ya., Budinayte G. L. Teoreticheskie osnovy sistemnoy semeynoy terapii. In: Chernikov A. V. (ed., comp.) *Sistemnaya semeynaya terapiya: klassika i sovremennost*. Moscow: NF “Klass”, 2005. Pp. 11–60.
5. Metod issledovaniya urovnya subyektivnogo kontrolya (USK). In: Kudryashov A. F. (ed.) *Luchshie psikhologicheskie testy dlya profotbora i proforientatsii: Opisanie i rukovodstvo k ispolzovaniyu*. Petrozavodsk: Petrokom, 1992. Pp. 86–93.
6. Kholmogorova A. B., Volikova S. V., Sorokova M. G. Standartizatsiya oprosnika “Semeynnye emotsionalnye kommunikatsii”. *Konsultativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*. 2016, Vol. 24, No. 4, pp. 97–125. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp20162404005>.
7. Sultanbaeva K. I. Opyt issledovaniya etnokulturnykh traditsiy v sovremennoy tuvinskoy seme. *Vestn. Tuvinskogo gos. un-ta. Pedagogicheskie nauki*. 2016, No. 4 (31), pp. 25–30.
8. Dongak S. Ch. Traditsionnoe vospitanie detey u tuvintsev v seme. Available at: <http://tigpi.ru/index.php/glavnaya/263-123> (accessed: 07.08.2019).
9. Alekseenko T. V. Issledovanie usloviy vospitaniya otvetstvennosti rebenka v rossiyskikh semyakh. In: *Sovremennye voprosy detskogo razvitiya. Proceedings of the I International scientific conference 5 Oct. 2018*. Ulan-Bator, 2018. Pp. 405–415.
10. Alekseenko T. V. Usloviya vospitaniya otvetstvennosti: issledovanie strukturnykh i kommunikativnykh parametrov roditelskoy semeynoy sistemy. *Problemy sovremennoy obrazovaniya*. 2018, No. 3, pp. 133–141. Available at: <http://pmedu.ru/images/2018-3/15.pdf> (accessed: 10.08.2019).

Интернет-журнал
«Проблемы современного образования»
2020, № 1

Статья поступила в редакцию 11.08.2019

The article was received on 11.08.2019